

Г. А. Кошеленко

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ ПОЛИСОВ ЗАПАДНОЙ ПАРФИИ*

Судьба греческих городов, возникших на Востоке в результате завоеваний Александра Македонского, сложна и противоречива. Основанные в большинстве случаев самим Александром или его ближайшими преемниками, они являлись главной опорой владычества греко-македонян на Востоке. Сеть греческих полисов среди местного населения — это фундамент Селевкидской державы. Развитие борьбы народов Востока против Селевкидов приводит к возникновению Парфянского государства. В результате широких завоевательных походов парфянских царей, особенно Митридата II, значительное число греческих полисов, довольно многочисленных в Месопотамии, вошло в состав Парфянской державы. Греческие города Месопотамии были одной из важнейших сил в период борьбы Селевкидов (Деметрия II Никатора и Антиоха VII Сидета) за возвращение Месопотамии. После провала этих попыток, оказавшись на несколько веков под властью парфян, полисы оставались до известной степени инородным телом в составе Парфянского государства. С укреплением Рима в Сирии симпатии некоторых слоев населения этих городов оказываются на стороне римлян. В сложных переплетениях событий внутренней и внешней политики Парфии греческие города были одним из существеннейших факторов, выяснение роли которых настоятельно необходимо. Одним из значительных вопросов, возникающих при изучении парфянских полисов, является проблема их городского строя и тех изменений, которые произошли в нем в эпоху парфянского владычества.

О судьбе полисов в восточной части Парфии нам не известно ничего. Речь поэтому может идти только о греческих городах западной части Парфянского государства. Сложность изучения городского строя полисов западной половины Парфянской державы заключается в том, что он чрезвычайно слабо освещен источниками. Можно по существу говорить о городском строе только трех городов — Селевкии на Тигре, Дура-Европос и Суз, хотя только один Исидор Харакский называет четырнадцать полисов, расположенных в западной части Парфии (к западу от Мидии), отмечая притом лишь города, лежащие на главном торговом пути (Isid. Charax., Mans. Parth, 1—3). К тому же источники о городском строе этих трех полисов имеют очень фрагментарный характер¹.

* Статья печатается в порядке обсуждения проблемы истории античного города.

¹ Для Дура-Европос — это прежде всего надписи и пергаменты, найденные при работах экспедиций Ф. Кюмона и М. Ростовцева, для Селевкии — произведения Тацита и Плутарха и местные монеты, для Суз — письмо Артабана III

Первый вопрос, который встает при изучении городского строя полисов Парфянской державы, — это вопрос о праве гражданства их населения. Несомненно, что в селевкидское время только македоняне и греки являлись полноправными гражданами Дура-Европос (Εὐρωπαϊοί). Значительные изменения происходят в парфянское время. В гражданский коллектив города со времени парфянского завоевания (вероятно, около 141 г. до н. э.) все в большей степени начинают проникать сирийцы. Известны упоминаемые в надписях лица из коренного местного (семитского) населения, которые возводят на свои средства храмовые постройки, например храм Артемиды². Они становятся даже членами совета³, роднятся со старыми македонскими фамилиями⁴.

Несмотря на значительное проникновение местных элементов в гражданский коллектив, греко-македоняне в известной мере сохраняют привилегированное положение в городе. Особенно это относится к старым македонским фамилиям, потомкам первых колонистов. До конца существования города они по-прежнему гордятся своим македонским происхождением, подчеркивая его при всяком случае. Очень любопытно одно граффити, относящееся к 218 г. н. э. Некий житель, занимаясь астрономическими вычислениями на стенах своего дома, счел нужным отметить свое македонское происхождение и подписался: Ἀλέξανδρος Μακεδών Ἀπολλωνίχου⁵. Интересным подтверждением этого привилегированного положения македонян и в парфянское время является содержание пергамента 86/87 г. н. э.⁶ Далее, необходимо отметить, что все известные по надписям стратеги и эпистаты как селевкидского, так и парфянского времени происходят из старых македонских фамилий.

Таким образом, со времени парфянского завоевания местное (сирийское и вавилонское) население постепенно проникает в гражданский коллектив города, хотя старые македонские фамилии и сохраняют известные преимущества. Это проникновение сирийцев и вавилонян вызывалось, конечно, в первую очередь той обстановкой, в которой оказался город после парфянского завоевания.

Если в державе Селевкидов греческие и македонские поселенцы (в основном сконцентрированные в городах) были привилегированной частью населения, то парфянское завоевание решительно отодвинуло греков и македонян с первого места и поставило их в один ряд с коренным местным населением. В такой обстановке обладание правами гражданства в греческих городах перестало быть столь большой привилегией, как во времена Селевкидов.

Несколько иная обстановка сложилась в Селевкии, куда уже при основании города были переселены значительные массы местного насе-

² The Excavation at Dura-Europos. Preliminary Report of Fifth Season of Work, New-Haven, 1934, № 416, стр. 112—113, № 418, стр. 114 (в дальнейшем: The Excavation at Dura-Europos. 5-th Season.).

³ F. C u m o n t, Fouilles de Doura-Europos, I, P., 1926, № 9, стр. 365, № 50, стр. 404; The Excavation at Dura-Europos. 3-rd Season, 1932, № 149, стр. 51.

⁴ И. А. Шишова, Дура-Европос — крепость Парфянского царства, «Уч. зап. ЛГУ», 192 (1956), сер. ист. наук, 21, стр. 117.

⁵ M. L i t t l e, H. T. R o w e l l, Greek Inscriptions, The Excavation at Dura-Europos. 4-th Season, 1934, стр. 107.

⁶ Удалец на основании этого пергамента доказывает, что союз хотя и с обедневшей, но знатной семьей, принадлежащей к числу немногих Εὐρωπαϊοί, является выгодным и для очень богатых жителей города, не обладающих таким высоким происхождением. С. В. Welles, Dura-Pergament, 21. Hypotek und Execution am Euphratfer im I. Jahrhundert, «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», LVI, стр. 112. В общем к тем же выводам приходит и И. А. Шишова, ук. соч., стр. 125.

ния из Вавилона⁷. Положение этого населения в греческом городе не совсем ясно⁸. Вероятно, негреческое, прежде всего вавилонское, население Селевкии было организовано в политевму⁹, олигетворением которой и могла быть вторая богиня на монетах Селевкии. Вавилоняне, по-видимому, жили в особом районе города, даже, может быть, отделенном стеною или каналом от собственно Селевкии на Тигре¹⁰. Только таким отделением сирийского района от греческого можно объяснить, почему греческие и римские писатели постоянно подчеркивают чисто эллинический характер Селевкии¹¹. Если же признать, как это делают Н. В. Пигулевская и И. А. Шишова, что значительные массы вавилонян входили в состав граждан греческого народа, то необъяснимыми становятся причины той постоянной борьбы между греками и местным населением, о которой говорит Иосиф Флавий¹². Борьба шла, по-видимому, из-за стремления местного населения добиться для своей политевмы равных прав с греческой. Характерно, что Иосиф Флавий сообщает о том, что греки постоянно оставались победителями (Ant., XVIII, 9, 9). Некоторое увеличение прав местной политевмы, очевидно, произошло в самом начале I в. н. э., когда греки объединились с местным населением для борьбы с переселившимися в город евреями, которых центральное правительство рассматривало как свою опору внутри города¹³. Греческое население, видимо, было вынуждено поступиться некоторыми из своих прав; иначе трудно объяснить причины этого союза.

Таким образом, и в отношении Дура-Европос, и в отношении Селевкии можно отметить одну общую тенденцию, которая, как можно полагать, проявлялась во всех греческих городах Парфии, — постепенное проникновение местного населения в гражданский коллектив города¹⁴, причем в Дура-Европос эта тенденция обнаружилась раньше и привела к большим результатам, чем в Селевкии на Тигре.

Изучение собственно городского строя греческих полисов следует начать с Дура-Европос, поскольку для этого города мы имеем наиболь-

⁷ Н. В. Пигулевская, Угасающий Вавилон, «Уч. зап. ЛГУ», 78 (1941), сер. ист. наук, 9; R. H. McDowell, The Excavation at Seleucia, «Papers of Michigan Acad. of Science, Arts and Letters», XVIII (1932), стр. 101 слл.

⁸ В. Тарн, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 152, считает, что Селевкия стала чем-то вроде двойного города, поскольку на некоторых ее монетах изображены две державщице за руки одна другую богини городов с коронами в виде башенок. Организация этого второго города неизвестна, но, по мнению Тарна, его население не было частью греческого полиса. Н. В. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956, полагает, что происходит слияние между греками и местной верхушкой, и по существу тем самым снимает вопрос о положении в Селевкии негреческих этнических групп. Ту же мысль проводит и И. А. Шишова, ук. соч.

⁹ Так, Александрия являлась объединением политевм, из которых греческая была наиболее влиятельной (Тарн, ук. соч., стр. 172); в политевмы же, возможно, было организовано сирийское население Антиохии на Оронте и Антиохии-Эфеса (там же, стр. 150). Обычной организацией еврейского населения, если оно было достаточно многочисленным, была политевма (там же, стр. 201).

¹⁰ Подобная организация, например, существовала в Антиохии на Оронте, которая и была разделена на четыре района, отделенных один от другого стенами. Из этих районов три были греческими, а один — местным.

¹¹ T a c i t., Ann., VI, 42; P l i n., Nat. Hist., 6, 30; Dio C a s s., XL, 16.

¹² I o s., Ant., XVIII, 9, 8—9. Выражение у Иосифа Флавия Σέρων οὐκ ὀλίγων τὸ ἐπιπολιτευμένον, на которое ссылается Шишова, с равным успехом может обозначать вхождение как в состав полиса, так и в состав политевмы.

¹³ О постоянной пропарфянской политике еврейского населения Парфии см. N. S. Debevoise, A Political History of Parthia, Chicago, 1938, стр. 145; M. E. M a s s o n, Народы и области Южного Туркменистана в составе Парфянского государства, «Тр. ЮТАКЭ», 5, Ашхабад, 1955, стр. 58.

¹⁴ Это явление характерно не только для Парфянской державы, но также и для тех областей Восточного Средиземноморья, которые оказались под властью Рима.

шее количество источников. Описание городского строя Дура-Европос было сделано в свое время Кюмоном на основании всех доступных ему источников (ук. соч., т. I). Он утверждает, что Дура-Европос в течение всего селевкидского времени обладал правами полиса. Далее, Кюмон считает, что, поскольку никаких следов народного собрания (ἐκκλησία) не обнаружено, вероятно всего, власть в городе принадлежала совету (βουλή), упоминания о котором в надписях довольно часты¹⁵. Высшей исполнительной властью в городе обладал стратег (στρατηγός τῆς πόλεως), что, по мнению Кюмона, очень естественно для города, бывшего в первую очередь военной колонией. Должность стратега может объединяться в одних руках с должностью эпистата (ἐπιστάτης) — начальника города, назначенного царем. Известен также хреофилакт — магистрат, ответственный за регистрацию сделок.

Ряд последующих открытий в Дура-Европос позволяет уточнить многие положения Кюмона и проследить, хотя бы в самых общих чертах, изменения в городском строе Дура-Европос¹⁶.

Прежде всего, возникает сомнение в том, что в городе не существовало народного собрания. Отсутствие сведений о нем в источниках — серьезный, но далеко не бесспорный аргумент, так как Кюмон основывается на источниках более позднего времени, вообще не упоминающих о народном собрании. Но отсутствие упоминаний о народном собрании в этих более поздних источниках понятно, так как общей тенденцией как Римской империи¹⁷, так и Парфянской державы (Пигулевская, Города, стр. 101) было лишение городов их автономии и замена самоуправления бюрократическим аппаратом. Вероятно, утеря городами автономии (что, конечно, было весьма длительным процессом) начинается с прекращения деятельности народного собрания. Далее, отсутствие народного собрания в Дура-Европос селевкидского времени противоречило бы общим тенденциям политики Селевкидов в отношении городов — поддержки полисного строя в греческих городах¹⁸, главным залогом которого и было народное собрание. Общеизвестна большая роль народных собраний в жизни ряда городов Селевкидской державы. Даже в самой Антиохии на Оронте — столице государства, городе, где контроль центральной администрации должен был чувствоваться сильнее всего, народное собрание дожило до римского времени (Haddad, ук. соч., стр. 16). О наличии народного собрания в Селевкии на Тигре и Сузах в начале I в. н. э. свидетельствуют важные источники¹⁹. Веским аргументом в пользу существования народного собрания в Дура-Европос селевкидского времени является наличие агоры в виде свободной от построек площади в центре города в течение всего времени владычества Селевкидов; при парфянах же и римлянах агора застраивается лавками (Шишова, ук. соч., стр. 122). Вполне естественно предположить, что застройка агоры произошла только тогда, когда она перестала выполнять свою общественно-политическую функцию — служить местом народных собраний. Таким образом, отрицать полностью

¹⁵ Например: C u m o n t, ук. соч., I, № 50, стр. 404; № 9, стр. 365; The Excavation at Dura-Europos. 3-rd Season, № 149, стр. 51.

¹⁶ Изменения городского строя явились результатом не только внутреннего развития полисов, но также изменения в политической обстановке (что мы постараемся доказать ниже) и изменения состава населения.

¹⁷ А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э., М.—Л., 1949, стр. 135; А. Н. М. J o n e s, The Greek City from Alexander to Justinian, Oxf., 1940, гл. VIII.

¹⁸ А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 143—144; G. H a d d a d, Aspects of Social Life in Antioch in the Hellenistic-Roman Period, Chicago, 1949, стр. 15.

¹⁹ T a c i t, Ann., VI, 42; C. B. W e l l e s, Royal Correspondence in the Hellenistic Period, New-Haven, 1934, № 75.

существование народного собрания в Дура-Европос селевкидского времени вряд ли представляется возможным. Вероятно, потеряв большую часть своего значения, что было обычным в эллинистическую эпоху (Тарн, ук. соч., стр. 72) оно продолжало играть какую-то роль в селевкидское и, очевидно, даже в раннепарфянское время.

Вопрос об объединении в одних руках должности стратега (высшего городского магистрата) и эпистата (чиновника, назначаемого царем для наблюдения за городом) гораздо более сложен, чем это представлялось Кюмону. Распределение хронологически все известные надписи, в которых упоминаются стратеги и эпистаты, мы получим следующую картину: в надписи 33/32 г. до н. э. упоминается *Σέλευχος Λυσίου στρατηγός πόλεως γυεζάρχης*²⁰, в пергаменте, по палеографическим данным, относящимся к I в. до н. э. — I в. н. э., говорится о *ἐπιστάτης τῆς πόλεως* (Cumont, ук. соч., пергам. 2, стр. 301 сл.), в надписи 51/52 г. н. э. мы встречаем объединение в одних руках этих двух должностей — в ней упоминается Селевк, сын Лисия, внук Селевка *στρατηγός και ἐπιστάτης τῆς πόλεως*²¹; в надписи 54 г. н. э. упоминается Селевк *ὁ στρατηγός*²², а в надписи 61/62 г. н. э. — жена Селевка *τοῦ στρατηγού* (Cumont, ук. соч., стр. 440, № 146).

Далее идет надпись 135/136 г. н. э., из которой мы узнаем, что стратег был одновременно и эпистатом²³. Затем к 159 г. н. э. относятся граффити, говорящее о двух лицах, занимающих только пост эпистата, но не являющихся стратегами города. Один из них — Лисий — умирает в этом году, другой — Лиспан — наследует ему (Fraze и др., *Inscript. at Dura-Europos*, № 16, стр. 147а). Позднее, в 165 г. н. э., в надписи № 53 назван Аврелий Гелиодор-эпистат (Cumont, ук. соч., стр. 410). Наконец, в надписи от 169/170 г. н. э. говорится о Селевке, *στρατηγός και ἐπιστάτης τῆς πόλεως*, а в двух пергаментах 180 г. н. э. (Fraze и др., *Inscript. at Dura-Europos*, № 6, стр. 139 сл.) — о Гелиодоре, также бывшем *στρατηγός και ἐπιστάτης τῆς πόλεως*²⁴.

Сопоставив все эти данные, можно отметить, что в I в. до н. э. и в I в. н. э. из пяти известных нам случаев упоминания должностных лиц, занимающих пост стратега или эпистата, только в одном эти две должности совмещаются одним лицом. Во II же веке н. э. из шести известных случаев упоминания этих должностных лиц в четырех должности совмещаются. Вряд ли такое распределение случайно. Можно думать, что до начала II в. н. э. правилом было разделение этих двух должностей между разными лицами, соединение же их в одних руках — исключением. Прямо противоположное явление характерно для II в.

Прежде всего, совсем не обязательно, чтобы в Дура-Европос селевкидского времени был постоянный эпистат. А. Б. Ранович на основании изучения обширного материала пришел к выводу, что селевкидские эпистаты были далеко не во всех полисах (Эллинизм, стр. 143). Дура-Европос был одним из многих военных поселений, граждане которых одновременно являлись и солдатами селевкидской армии. Они служили либо в македонской фаланге, либо в кавалерии. Представление о том, что Селевкиды были вынуждены самым тщательным образом контролировать города, сложилось благодаря тому, что был известен и изучался только материал Малой

²⁰ Cumont, ук. соч., № 52. Об уточнении даты надписи см. R. N. Fraze, J. F. Gillon, H. Ingholt, C. B. Welles, *Inscriptions at Dura-Europos*, YCS, XIV (1955), стр. 140; *The Excavation at Dura-Europos. 5-th Season*, стр. 116; *Prelim. Rep. of Sixth-Season of Work*, 1937, стр. 418.

²¹ *The Excavation at Dura-Europos. 2-nd Season*, 1931, стр. 91—93, № H—4.

²² Там же, 5-th Season, № 418, стр. 113—116.

²³ Cumont, ук. соч., № 134, стр. 450—452; J. Johnson, *Dura Studies*, Philadelphia, 1932, стр. 23.

²⁴ «*Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allan Chester Johnson*», Princeton, 1951, стр. 255.

Азии, где под властью Селевкидов в большинстве случаев находились старые, существовавшие много веков полисы со своими очень сильными традициями независимости, и где к тому же постоянно действовали сторонники Птолемея и Македонии. Все это заставляло селевкидское правительство самым тщательным образом контролировать эти города, назначая туда эпистатов. Совсем иное дело — в глубине Азии, где города типа Дура-Европос были окружены враждебным им населением. Македонские и греческие жители этих городов прекрасно понимали, что их господствующее положение будет продолжаться только до тех пор, пока держится власть Селевкидов. Между прочим, доказательством их верности Селевкидам является безусловная поддержка греками попыток восстановления власти Селевкидов над Месопотамией, предпринятых Деметрием II Никатором и Антиохом VII Сидетом. Может быть, поэтому в Дура-Европос и не было постоянного селевкидского эпистата, и высшая власть в городе находилась в руках стратега²⁵.

Иное положение сложилось в эпоху парфянского владычества. В раннепарфянское время в большинстве случаев должности стратега и эпистата находились в руках разных лиц. Это может быть объяснено только тем, что правительство, не будучи уверенным в лояльности греческих городов, помимо верховного городского магистрата, назначало в город своих эпистатов. Характерно, что цитадель для размещения гарнизона внутри города строится именно в раннепарфянское время. Может быть, эпистат одновременно был и командиром парфянского гарнизона. Со II в. н. э. правительство получило большую уверенность в лояльности населения Дура-Европос; этим объясняется, почему почти все стратеги того времени одновременно являются и эпистатами. Эта практика нарушалась только при чрезвычайных обстоятельствах. Так, в 159 г. н. э. мы встречаем в городе особого эпистата, что, вероятно, было связано с подготовкой Парфии к войне с Римом²⁶.

Таким образом, можно предположить, что в первое время после завоевания парфянское правительство было вынуждено контролировать греческий город самым тщательным образом. В дальнейшем же парфяне перешли к практике механического назначения эпистатом избранного жителями стратега. Вероятно, происходит сращивание государственного аппарата и наиболее влиятельных кругов Дура-Европос²⁷. Это изменение ориен-

²⁵ Ростовцев, изучая материал города, пришел к выводу, что, начиная с III в. до н. э., в течение значительного времени в жизнь города центральная власть не вмешивалась, и он был полностью поручен заботам самих поселенцев. См. M. R o s t o v t z e f f, *Dura-Europos and its Art.*, Oxf., 1938, стр. 13.

²⁶ Как известно, парфянское правительство готовилось к этой войне весьма тщательно. Одной из мер подготовки, по-видимому, и было назначение в пограничную крепость особого чиновника, который должен был подготовить крепость к войне. То, что часть второго периода приходится на время, когда Дура-Европос находился под властью римлян, не изменяет положения, так как, насколько нам известно, римляне не изменили совершенно ни в чем городского строя. Это было вызвано, можно думать, тем, что самоуправление города по существу было уже лишено какого-нибудь реального содержания и существование его было не более, чем пережитком парфянской эпохи. В общем к тем же выводам пришел и Ростовцев (*Social and Economic History of Roman Empire*, 2-е изд., Oxf., 1952, стр. 267).

²⁷ В 135/36 г. н. э., например, стратег и эпистат города Лисий, сын Лисиана, внук Селевка, имеет высокий придворный титул — *τὸν πρῶτον καὶ προτιμωμένον φίλον καὶ σωματοφύλακον* (Cumont, ук. соч., I, № 134, стр. 450—451). Этот Лисий, как было доказано (Johnson, ук. соч., гл. 2), принадлежал к одной из выдающихся, если не самой выдающейся, семей коренных жителей Дура-Европос, представители которой много раз занимали важнейшие посты в городской администрации. Эта семья владела огромным домом, скорее, дворцом. Он расположен не среди рядовых городских кварталов, а на акрополе, позади храма Зевса Олимпийского, имеет два внутренних двора, большие и многочисленные хозяйственные помещения (Rostovtzeff, *Dura-Europos...*, стр. 48). Вместе с тем, конечно, нельзя

сацией верхушки греческого населения города было обусловлено её участием в торговле по «великому шелковому пути»²⁸.

Место, занимаемое советом в системе городского самоуправления Дура-Европос, неясно. Кюмон, сравнивая городскую строй Дура-Европос и Селевкии на Тигре, считал, что совет был верховным органом власти в городе. Возможно, это и верно в отношении селевкидского времени, учитывая поддержку Селевкидами умеренно-демократических конституций в своем государстве²⁹. О роли совета в парфянское время судить трудно³⁰. По-видимому, его значение падает, поскольку приходит в упадок и вся система городской автономии. Этому способствует и то, что в городе, помимо эпистата, были и другие высокопоставленные парфянские чиновники. Это прежде всего стратег Месопотамской и Паропотамской сатрапий, военные командиры и, что очень важно, судебные чиновники. В задачу статьи не входит рассмотрение вопроса о роли и значении местной парфянской администрации³¹, но и сказанного достаточно, чтобы понять, что парфянская администрация на местах очень сильно стесняла городское самоуправление. Особенно это относится к чиновникам судебного ведомства.

В вопросе о роли, значении и компетенции других магистратов новые раскопки не принесли ничего нового по сравнению с данными, использованными Кюмоном.

О городском строе Суз известно только из письма Артабана III городу³². При исследовании этого памятника ученые приходили к самым противоположным выводам — от утверждения того, что письмо свидетельствует об увеличении автономии греческих городов при парфянах³³, до прямо противоположного утверждения о том, что магистраты города назначались парфянами (Шишова, ук. соч., стр. 121).

Прежде всего, из письма явствует, что внешне город еще сохраняет автономию. В городе действуют народное собрание, совет, магистраты. Верховными магистратами города были два архонта³⁴. Авторитет их,

рассматривать эту семью как своего рода фамилию наследственных шейхов — правителей города, как это делает Джонсон (ук. соч., стр. 39). Условия жизни эллинистического города и кочевых племен арабов были слишком различны, чтобы такого рода аналогии могли быть правомерны.

²⁸ R o s t o v t z e f f, Dura-Europos..., гл. I. О выгодах, которые получали участники торговли по этому пути, можно судить по тем огромным товарным ценностям, которые перевозились по нему (P l i n., Nat.Hist., XII, 41). Сейчас трудно восстановить в деталях маршрут «великого шелкового пути», но с помощью Исидора Харакского основные направления его устанавливаются достаточно точно. Несомненно, что одним из тех пунктов, которые связывали сирийское побережье и Малую Азию с торговыми путями, ведущими далее на Восток, в Среднюю Азию и Китай, был Дура-Европос (R o s t o v t z e f f, там же, стр. 18).

²⁹ С. И. Жебелев, Киренская конституция, «Докл. АН СССР», 5 (1929), стр. 77; Р а н о в и ч, Эллинизм..., стр. 143 сл.

³⁰ В Сирии, где развитие городской жизни протекало аналогично Вавилонии и Месопотамии, в римское время значение совета падает и звание булветта означает не члена функционирующего совета, а такое же почетное звание, как, например, ветеран л. п. (Р а н о в и ч, Восточные провинции..., стр. 138). Селевкия же и Сузы имели действующие советы, причем в Селевкии совет был по существу верховным органом власти в городе.

³¹ Источником для изучения местной парфянской администрации является Dura Parchment X, опубликованный и исследованный в статье M. R o s t o v t z e f f, C. V. W e l l e s, A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos, YCS, VI, (1932).

³² F. C u m o n t, Une lettre de Roi Artaban III, «Comptes rendus de l'Acad. des inscriptions et Belles-Lettres», 1932; W e l l e s, Royal Correspondence..., № 75.

³³ W. T a r n, The Greeks in Bactria and India, Camb., 1951, стр. 27.

³⁴ Трудно согласиться с Пигулевской, Города Ирана... стр. 103, утверждающей, что архонты — это название должностей и что слово ἀρχοντες (стк. 8—9) относится к стратегу и казначею города. Ведь в стк. 8—9 говорится об избрании архонтов и упоминаются два лица: Πέτασος τοῦ Ἀντιόχου и Ἀριστομένος τοῦ Φιλίππου.

судя по письму, очень велик. Они выступают против избранника народного собрания и против совета, который выдвинул кандидатуру (стк. 7). Избирались архонты на год. Существует в городе и совет. Вероятно, городским советом проводится проверка (*δοκιμασία*) кандидатов на различные магистратуры. Что представляет эта докimasия, на основании письма сказать трудно. Очевидно, избрание зависело, как это было, например, в совете города Селевкии (Tacit., Ann., VI, 24), от размеров имущества кандидата. Косвенным подтверждением этого является то, что Гестией, будучи казначеем, предпринял два путешествия (видимо, к царскому двору) на свой счет и при расходах не жалел своих денег (стк. 4—6).

Помимо архонтов, в городе существуют и другие магистраты, в частности казначей (*ὁ ταμίης*), хреофилакт, полномочия которого, очевидно, были идентичны полномочиям и обязанностям хреофилакта Дура-Европос³⁵. Город имел свою записанную конституцию³⁶.

Система парфянского контроля над городом вырисовывается из письма также довольно ясно. Его осуществляли два чиновника, которым в письме царя сводится первое место, впереди архонтов и народа города — *Ἀντιόχου καὶ Φραάτη: αὐτοὺς ἐν Σούσοις* (стк. 1). Было высказано кажущееся правильным предположение, что Антиох — эписат города, а Фраат — сатрап Сузианы и идентичен тому Фраату, который отказался прибыть на коронацию Тиридата (Пигулевская, Города..., стр. 102). При решении вопроса о том, какова была зависимость города от парфянского правительства, необходимо исходить не только из самого факта нарушения конституции города царем, но и из того, что письмо в первую очередь обращено к эписату города и сатрапу Сузианы и только затем уже к архонтам и народу. Это, вероятно, свидетельствует о том, что и эписат, и сатрап могли оказывать самое серьезное влияние на внутреннюю жизнь города. Далее, важен следующий факт, обычно недостаточно принимающийся во внимание, — Гестией, избрание которого санкционирует правительство, имел высокий парфянский придворный титул *πρωτῶν καὶ προτιμιωμένων φίλων καὶ σοφιστοφιλῶν* (стк. 2)³⁷. Это говорит о каких-то немаловажных заслугах Гестиея перед царем и его несомненной преданности ему. Следовательно, парфянское правительство, чтобы провести в магистраты города преданного человека, не останавливается перед изменением конституции города.

Таким образом, самоуправление Суз почти потеряло свое реальное содержание, и город оказался под строжайшим контролем царской власти. Автономия города клонилась к упадку. Среди граждан Суз (так же как и в Дура-Европос) можно выделить слой людей, подобных Гестиею, которые тесно связали свою судьбу с парфянской властью.

Совершенно особое место среди греческих городов Парфии занимала Селевкия на Тигре. Всеми авторами древности, писавшими о Селевкии парфянского времени, подчеркивалось ее могущество и то, что она, находясь столетия под властью парфян, сохранила свой греческий облик³⁸.

Те же самые Петас и Аристомен упоминаются в качестве архонтов и в стк. 11. Следовательно, по мнению Пигулевской, кто-то из них должен быть казначеем, но это не так, так как казначеем на этот год был избран Гестией.

³⁵ M. Rostovtzeff, Seleucid Babylonia, YCS, II (1932), стр. 58.

³⁶ Это следует из выражения *ἐκ τῶν διαγγεγομένων* (стк. 10).

³⁷ Подобными титулами были награждены один из стратегов и эписатов Дура-Европос, комендант парфянской крепости Фалига и царский судья в Дура-Европос.

³⁸ Libera hodie et sui macedoniumque moris, Plin., Nat. Hist., 6. Tacit., Ann., VI, 42; Dio Cass., XI, 16. С этим полностью согласуются и данные археологии, которые говорят о том, что город сохранял свой эллинский облик и т. д. до потери им своей автономии. См. L. Waterman, Preliminary Report on the Excavations at Seleucia on the Tigris, 1930-1931, p. 10.

В Селевкии удержало свое значение народное собрание (Tacit, Ann., VI, 42). Во главе города стоял совет (senatus — Tacit, Ann., VI, 42; $\gamma\sigma\rho\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$ — Plut., Crass., 32). О его существовании и важной роли говорят нумизматические данные. Так, монеты, выпускаемые монетным двором города во время царствования Артабана III, имеют легенду $\beta\omicron\upsilon\lambda\lambda\eta\varsigma$, а монеты Вардана на реверсе — изображение персонифицированного совета с надписью $\beta\omicron\upsilon\lambda\lambda\eta$ ³⁹. Состоял этот совет из 300 человек, которые избирались по мудрости или богатству (opibus aut sapientia), как сообщает Тацит (Ann., VI, 42). Видимо, при выборах в совет Селевкии применялась такая же $\delta\omicron\kappa\mu\alpha\sigma\iota\alpha$, как и при выборах магистратов в Сузах. Способ избрания совета нам не известен⁴⁰.

Чрезвычайно интересно сообщение одной из сравнительно поздних (VII в.) восточных хроник («История Мар Мари»), основанной на неизвестных ранних письменных источниках и говорящей об эллинском укладе жизни Селевкии (Пигулевская, Города..., стр. 99). «В Селевкии, — сообщает эта хроника, — было три собрания, одно старцев, другое юношей и третье мальчиков, ибо так они устраивали собрания свои». Далее хроника говорит о том, что во главе «собрания старцев» стоял «старшина собрания». В «собрании старцев» можно видеть герусию города, а верховным городским магистратом был «старшина собрания». «Собрание юношей» — это, вероятнее всего, организация эфэбов, существование которой засвидетельствовано декретом из Вавилона⁴¹. Организации мальчиков в гимнасиях, обычные в эллинистическое время, упоминаются в том же самом декрете. Поскольку организации эфэбов и мальчиков в эллинистическое время обычно объединялись вокруг гимнасия, то, несомненно, в городе был и гимнасиарх, о существовании которого в Вавилоне свидетельствует декрет, изданный Осулье.

Одно время Селевкия, очевидно, пользовалась правом самостоятельного взимания налогов, вопрос о которых еще далеко не решен, хотя некоторый материал для выяснения этой проблемы могут дать отпечатки на глиняных буллах, найденных в Селевкии. Большинство их принадлежало селевкидским чиновникам⁴², но несомненно, что некоторые из них, имеющие легенду $\Sigma\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\kappa\iota\alpha\varsigma$, — печати городских магистратов. Эти печати ставились на документы, подтверждая, что владелец их уплатил налоги за продажу рабов, соли⁴³, за право пользования гаванью (там же, стр. 10 сл). По-видимому, в период селевкидского владычества Селевкия пользовалась правом самостоятельного сбора налогов⁴⁴ (печати с легендами $\Sigma\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\kappa\iota\alpha\varsigma$ относятся только к III и первой половине II в. до н. э.). Исчезновение этих печатей, совпавшее по времени с захватом города парфянами, вряд ли было случайным. Это могло быть вызвано тем, что пар-

the Excavation at Tel Umar. Iraq, Ann Arbor, 1931; McDowell, The Excavation at Seleucia.

³⁹ R. H. McDowell, Coins from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor, 1935, стр. 222—226.

⁴⁰ Вполне возможно, что совет города мог пополняться путем кооптации, что было обычным в восточной половине Римской империи.

⁴¹ В. Haussoullier, Inscriptions grecques de Babylone, «Klio», IX, 3, стр. 353.

⁴² R. H. McDowell, Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor, 1935.

⁴³ McDowell, «Bullae» Stamped with Greek Legends в кн. L. Waterman, Preliminary Report..., стр. 36.

⁴⁴ Эта практика не является чем-то неожиданным для Месопотамии селевкидской эпохи; см. Г. Х. Саркисян, Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83.

фянское правительство лишило город права самостоятельного сбора налогов ⁴⁵.

Селевкия пользовалась правом чекана бронзовой автономной монеты (McDowell, *The Coins...*, стр. 94, 153). Это право было отнято у города вместе с лишением его автономии в 43 г. н. э. (там же, стр. 226).

Вопрос о парфянском эпистате в Селевкии далеко не ясен. В селевкидское время в городе очень часто располагался правитель-наместник восточной половины государства Селевкидов, и контроль над городским самоуправлением, конечно, был тогда постоянным. Это приводило даже к тому, что некоторые магистратуры города постепенно становились царскими должностями (McDowell, *Stamped Objects...*, стр. 263). В парфянское время имеется только одно упоминание о парфянском должностном лице в Селевкии с функциями, похожими на функции эпистата, — это некий Ахей, с которым столь жестоко расправляются жители при переходе города на сторону Антиоха VII Сидета (Diod., XXXIV—XXXV). Вероятно, этот Ахей был парфянским эпистатом, чем и вызвал ненависть к себе граждан. В дальнейшем если в городе и был эпистат, то, судя по почти постоянно враждебной по отношению к парфянам позиции Селевкии, его влияние на городские дела должно было быть самым минимальным.

Таким образом, на основании всего рассмотренного материала можно прийти к выводу, что автономия греческих городов Парфянской державы находилась на ущербе. Общей тенденцией парфянского правительства было лишение полисов автономии. Это явление не новое. Ограничение автономии греческих городов началось еще в эпоху господства Селевкидов. При парфянах же этот процесс приобретает качественно иное содержание, так как с концом владычества Селевкидов и приходом парфян население полисов лишилось своего привилегированного положения в государстве, которое в предшествующую эпоху смягчало ограничение городского самоуправления. Все это приводит к ряду острых конфликтов между греческими городами и парфянами в первый период парфянского владычества ⁴⁶.

После окончательного подавления неоднократных попыток восстановления Селевкидской державы более мелкие и слабые города Месопотамии типа Дура-Европос оказываются под все более возрастающим контролем парфян. Город медленно и постепенно теряет автономию, причем, хотя видимость городского самоуправления сохраняется, реальная власть переходит в руки представителей центрального правительства. При этом известные круги в полисах (по-видимому, прежде всего их верхушка) вступают в союз с парфянским правительством и, становясь верными слугами существующего режима, получают высокие придворные ранги. Опираясь на них, правительство становится более уверенным в лояльности полисов. Исключение представляет судьба Селевкии на Тигре. Этот город был настолько могущественным, что на протяжении примерно 180 лет смог отстаивать свою автономию и потерял ее только после поражения в Великом восстании 43 г. н. э.

⁴⁵ Интересно, что в самом начале парфянского времени исчезают и клинописные контракты в вавилонских городах (наиболее поздний по времени контракт относится к 139/38 г. до н. э.; см. Г. Х. Саркисян, Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Гос. Эрмитажа, ВДИ, 1955, № 4, стр. 136), в то время как вообще пользоваться клинописью перестают приблизительно в начале нашей эры. Было доказано, что существование клинописных контрактов связано с тем, что в некоторых вавилонских городах для определенных категорий жителей — полноправных граждан, входивших в храмовый коллектив, — существовали привилегии в виде освобождения от налогов и пошлин на сделки (Саркисян, Самоуправляющийся город). Возможно, что исчезновение клинописных контрактов в самом начале парфянского владычества свидетельствует об отмене новыми властями этих привилегий.

⁴⁶ Греческие города Месопотамии и Вавилонии поддерживают Деметрия Никатора и Антиоха Сидета в их попытках вновь завоевать эти районы.